

НЫРЯЛЬЩИЦА ЗА ЖЕМЧУГОМ

«В новом романе «звездного тандема» Российского детектива РАСПЛАТА находит невинную жертву, желание отомстить приводит к настоящей катастрофе, причина преступления кроется там, где ее никто не видит! Открыв эту книгу Литвиновых, готовьтесь к головокружительному чтению!»

Журнал «Отдохни!»

ЗНАМЕНИТЫЙ ТАНДЕМ РОССИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА } АННА И СЕРГЕЙ

ЛИТВИНОВЫ

Спецкор отдела расследований

Анна и Сергей Литвиновы
Нырятьщица за жемчугом

«ЭКСМО»

2014

Литвиновы А.

Ныряльщица за жемчугом / А. Литвиновы — «Эксмо»,
2014 — (Спецкор отдела расследований)

Надя Митрофанова была счастлива: наконец-то они с Димой решили обустроить семейное гнездышко. Просмотрев множество вариантов, она нашла просто идеальную квартиру. Однако едва они переступили ее порог, Надя сразу пожалела о своем выборе – продавцом оказалась ослепительная мулатка Изабель... Естественно, Дима не остался равнодушен к ее чарам, и когда Изабель позвонила ему среди ночи, попросив о помощи, он не раздумывая помчался к ней. Как выяснилось, кто-то разбил аквариум в салоне красоты, где она работала, и выложил из мертвых рыбок фигуры синхронного плавания. Когда-то Изабель занималась этим видом спорта, но не могла припомнить ничего такого, за что ей могли бы мстить. Случилась, правда, во время соревнований в Японии одна неприятная история, она давно и думать о ней забыла. Но через некоторое время убить попытались уже саму Изабель...

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	18
Глава третья	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Анна и Сергей Литвиновы

Ныряльщица за жемчугом

© Литвинов С.В., Литвинова А.В., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

* * *

Он смотрел ей прямо в глаза и улыбался.

Неужели живой?

– Юра, это ты? – неуверенно пробормотала Изабель.

Лицо у мужчины белое как полотно, почти мраморное. Губы вроде улыбаются, но взгляд холоден, мертв.

– Юрочка, скажи что-нибудь, – жалобно попросила она.

Нет. Он – недвижим и страшен. А ее руки-ноги совсем не слушаются не то что с постели вскочить – даже отодвинуться не получалось. Оставалось только оправдываться:

– Юра, пожалуйста... Я не хотела тебе ничего плохого. Это вышло случайно, клянусь!

И все-таки как же он прекрасен. Даже сейчас, когда мертв.

– Юра, ты пришел за мной?

Ни слова в ответ. Только его руки, совершенной красоты, с пальцами музыканта, приходят в движение. Тянутся к ее горлу. Медленно, неумолимо. А сам он выглядит абсолютно равнодушным.

– Юра, не надо!

Но ладони – холодные, словно айсберги, – смыкаются на ее шее.

– Помогите! – отчаянно закричала Изабель.

И проснулась. Одна. На широкой постели. Простыни сбиты, кружевная ночнушка взмокла от пота. Три часа ночи. Время, когда виновные платят по счетам.

Можно даже не пытаться снова уснуть. Придется ждать – пока небо не окрасится жизнерадостной полоской рассвета, не зачирикают первые воробьи.

Изабель включила настольную лампу. Все равно темно, страшно! Схватила пульт «умного дома» и врубила свет во всей квартире. Сходить в гостиную, к бару? Налить себе двадцать капель, чтобы снять стресс? Она правда дала зарок, что никогда больше не будет пить, но сейчас это совсем неважно. Изабель собралась уже подняться с кровати, но вдруг вспомнила: именно там, в парадной комнате, лежал Юра. Именно там – на ее любимом кожаном диване – остывало его тело.

Нет уж. Лучшие она подождет рассвета здесь.

Девушка открыла тумбочку, достала планишетник и включила его. Ей нравилось наблюдать, как грузится гаджет, как оживают «обои» – аквариум с жизнерадостными рыбками.

Но сегодня с компьютером что-то не так. Заурчал, вроде бы включился, а экран как был темным, так и остался.

– Давай, просыпайся, японская морда! – поторопила технику Изабель.

И монитор послушно вспыхнул. Только вместо умиротворяющих рыбок – девушка увидела совсем другую живую картинку. Кладбище. Зловеще торчащие кресты, могильные мраморные плиты. В сером небе каркают, вьются вороны. Пляшут синие огни. Медленно движется похоронная процессия, глухо бухает траурный марш.

– Нет... – прошептала Изабель и отчаянно вдавила кнопку выключения.

Монитор мгновенно погас. Но теперь ей показалось, что мрачная музыка играет где-то в недрах квартиры, и она завопила во весь голос:

– Нет, нет!

В огромном зеркале, наискосок от кровати, мелькнула тень. Юра здесь?!

Девушка упала на постель, накрылась с головой одеялом, зажала уши. Она больше не может! Лучше смерть, чем здесь жить!!!

Пусть говорят, что убежать от мертвеца невозможно.

Однако она все равно попробует.

Глава первая

Надя с Димой по московским меркам считались богачами – у каждого в собственности имелось по квартире. Но жили они на территории Митрофановой. Вот Надя и придумала сдавать жилплощадь журналиста. Чего квартирке пустой стоять? Да и спокойнее, когда Димка лишен своей холостяцкой берлоги. А деньги – можно, например, на отпуск откладывать.

Однако Полуянов – как только Надя нашла жильцов – немедленно помчался в автосалон и уже вечером (вот спонтанный человек!) катал ее на новенькой «Мазде». Целовал свою подругу, хвалил, восхищался:

– Какая ты умница, Надюшка! Мечту мою исполнила! И семье – материального урона никакого.

Покупка иномарки и правда никакого ущерба их бюджету не нанесла. От жильцов деньги получили – кредит погасили. Но только Димка теперь на классном автомобиле пижонит, в кожаном салоне расслабляется – под музыку из шестнадцати колонок, а Наде достались все хлопоты с арендой. Выбирает жильцов (за год трое сменилось), оформляет им регистрацию, следит, чтоб квартиру не «убили». Да еще Димка упросил налоговую декларацию вместо него заполнять: «А то я в этих бумажках обязательно что-нибудь напутаю!»

И Митрофанова – как истинная жена декабриста! – безропотно взяла на себя новую заботу – управлять Димкиной недвижимостью.

По мелочам Надежда жильцов старалась не дергать – особенно в конце месяца, когда подходило время платить по Димкиному кредиту. А то было как-то раз: квартиранты расписывались и съехали в один день, не заплатив ни копейки. Вот была ситуация: из банка угрожающие эсэмэски шлют, на работе, как назло, зарплату задерживают, и Димуля в командировке.

Сегодня очередная напасть: позвонила бабуля из квартиры снизу. Потолок у нее якобы рушится, и она уже готова вызывать полицию, спасателей и комиссию из ЖЭКа.

Впрочем, после Надиных наводящих вопросов выяснилось, что пока на потолке всего лишь трещинка толщиной с волос.

– Но имеется отчетливая тенденция к увеличению, – важно изрекла бабуленция. – Явно, Надежда, твои жильцы напортачили. Так что приезжай, разбирайся с ними, пока они весь дом не порушили.

Вот и пришлось, вместо того чтобы Димочке ужин разогреть, да и самой после работы поблаженствовать – в мягком кресле, с бокалом вина, – тащиться в самый час пик на другой конец Москвы. Хотя, скорее всего, у соседки просто побелка на потолке облупилась.

Арендатором у них сейчас – средних лет жизнерадостная дама. Вроде бы – как те же бабульки докладывают – не пьет, не курит, оргий не устраивает. Одна проблема: очень неугомонная тетенька, все себя ищет, порхает:

– У меня, Надечка, столько *бизнесов*, столько планов!

И йога-клуб планирует открывать, и кулинарные курсы, и интернет-магазин, и прямые поставки в столицу фермерских продуктов.

Надя еще пошутила, когда договор аренды подписывали:

– Главное, производство мебели не открывайте. В нашей квартире.

– Что вы, милая! – расхохоталась дама. – Я – человек исключительно умственного труда!

...Однако сейчас жиличка явно затеяла что-то *рукотворное*. Как только Надя заскочила в подъезд, консьержка тут же доложила:

– К вам в квартиру пару дней назад какие-то ящики заносили. И мешки.

И трещина на потолке в квартире снизу тоже имелась – не наврала старушка.

А когда Митрофанова попыталась отпереть дверь своим ключом, вдруг обнаружилось, что замок поменяли. Просто неслыханно!

Что происходит на жилплощади Полуянова?! И что теперь делать? Бежать к участковому? Или прежде посоветоваться с Димкой?

Но продумать тактику она не успела – за спиной тяжело охнул лифт, прозвенело ругательство, и Надежда в изумлении увидела, как жиличка самолично волочет по коридору огромную, литров на десять, емкость, типа большого ведра, а на боку бабьи горят красным цветом угрожающие буквы: «СЕЛИТРА».

Надя в ужасе отступила. Однако дамочка нисколько не смутилась. Наоборот, хмуро взглянула на девушку и возмущенно проговорила:

– Вы почему без предупреждения приезжаете?!

– Что тут у вас... – начала было Надя.

Но жиличка уже спиной к ней повернулась, отперла квартиру, затолкала туда ведро с селитрой, да еще и дверь попыталась захлопнуть перед Надиным носом:

– Мы с вами на сегодня не договаривались! А незваный гость, сами знаете, хуже татарина!

«Иногда нужно просто дать в глаз!» – вспомнила Надя совет Полуянова и, решительно рванув на себя дверь, оттолкнула арендаторшу.

Опасливо обошла емкость с селитрой, кинулась в комнату и застыла на пороге как вкопанная. Прямо посередине – где раньше стоял обеденный стол – ряды заполненных землей мешков. Много, не меньше пятидесяти. Угрожающе возвышались с десяток больничных капельниц, и из каждой в почву стекала какая-то подозрительная жидкость. А в маслянистом, сочном черноземе отчетливо виднелись слабенькие темно-зеленые ростки.

– Ч-что это? – в ужасе выдохнула Митрофанова.

– Клубника, – буркнула арендаторша, как-то сразу поутратив свой пыл.

– Что?! – Надя никак не могла прийти в себя.

– Фрукт, блин! То есть ягода! Доход от сорока тысяч в месяц пообещали! – Тетка устало опустила на пол, облокотилась на один из мешков и, с тоской глядя на Надю, выдохнула: – Но набрехали, похоже. Эту клубнику, так ее растак, пока вырастишь, с ума сбрендишь. Свет, оказывается, надо какой-то специальный, опылять ее, удобрять. Один расход. Так что, прошу пardon, за аренду в этом месяце я только половину заплачу. Все на развитие производства ушло, – не удержавшись, ухмыльнулась она.

– Вы с ума сошли! – наконец заговорила Надя. – Немедленно, слышите, немедленно! – вывозите отсюда всю эту дрянь! И сами съезжайте! Чтoб с завтрашнего дня вашего духу тут не было!

– Да? – окрысилась дама. – А кто мне затраты компенсирует?! Мешки, почва, дренажная система, удобрения?!

– Да вы бы лучше... для мозгов себе удобрения купили, – тоже взвилась Митрофанова. – Как только в голову могло прийти?! В московской квартире, прямо на полу – огород разводить?!

– Но жить ведь как-то надо, – примирительно произнесла жиличка. – Это вам, москвичам, хорошо: сдаете себе недвижимость в аренду да жируете. – И посмотрела осуждающе, будто самолично Надя во всех ее бедах виновата.

Жаль непутевую. Да и клубнику, едва выползшую из земли, тоже. Но другого выхода не было: предприимчивую даму надо немедленно гнать, а плантацию – уничтожать. Ох, непросто будет...

И такая вдруг злость накатила! Почему она должна разбираться с недвижимостью Полуянова, в то время как ее законный хозяин расслабляется после трудового дня, причем в ее квартире? И ест отбивные гриль, которые Надя вчера приготовила!

Очень хотелось немедленно позвонить сердечному другу и закатить ему скандал. Впрочем, ладно. Поругаться они и дома успеют.

Дмитрию Полуянову предстоял одинокий вечер на диване. Когда-то – лет в восемнадцать! – праздное времяпрепровождение перед телевизором он презирал. Но сейчас – старость, что ли, подкралась? – предвкушал его почти с удовольствием. Как разогреет стготовленные Надюшкой отбивные с овощами гриль, прихватит из холодильника ледяное пиво – и развалится перед зомбоящиком. Митрофанова что-то еще там пиццала про салат, который надо заправить, и жульенчик, но Дима, пока нарезал вокруг дома круги (с парковкой, как обычно, беда), решил: он ограничится *основным блюдом*. А *излишествами* пусть его Надюха кормит. Когда вернется.

Представил сердитое личико Митрофановой, ее возмущенный, немного учительский голосок: «Ну, Дима-а! Совсем, что ли, ребенок, все тебе подать-принести надо?» Хмыкнул. На самом деле Полуянов (зря, что ли, столько лет холостяковал?) готовил недурственно. И полы умел мыть (в армии натаскали!). Но смысл: крушить гендерную модель? Как-то изначально у них с Надюхой повелось: он – глава и кормилец. А она – хлопает над ним крылышками, обеспечивает уют. Вот и пусть колдует над своими сковородочками-подушками-занавесочками.

Тем более что Митрофанова *хранить очаг* обожает. И даже слишком, на его взгляд, усердствует. Пока Дима Надежду лишь навещал – ночевал в неделю несколько раз, а остальное время проводил в своем холостяцком логове – ему, в целом нравились безупречная чистота, кружевные салфетки и даже пять подушек, по линейке расставленных на диване.

Но теперь, когда они уже больше года живут вместе, Полуянову стало хотеться взорвать царивший в квартире Митрофановой махровый социализм. Одна старомодная «стенка» (еще от Надиной мамы осталась) чего стоит! А хрусталь, гордо выставленный напоказ за стеклянную дверцей «горки»? Спасибо, хотя бы уговорил подругу ковер со стены снять.

А более серьезные инновации Надежда производить отказывалась. Да и не помогут здесь полумеры. Надо всю мебель – на свалку, а потом полный ремонт. Но вкладываться в малогабаритную «двушку»? Да еще в ветхом панельном доме?! Кухня – крошечная, подъезд – загаженный, трубы ржавые. Машину поставить некуда. Вон, опять пришлось почти пятнадцать минут колесить, прежде чем втиснулся.

Желудок совсем подвело. Полуянов решил, что ужин даже разогревать не будет, съест холодное мясо с холодными же овощами гриль – очень по-буржуазному.

Он торопливо отомкнул дверь – и отшатнулся. Полы почему-то влажные, воздух тяжелый, словно в парилке. Но самое поразительное: Надькин дряхлый пес Родион (избалованная, очень толстая такса) встретил его отчаянным скулежом – и откуда! Пес сидел на довольно высокой – метр, не меньше! – тумбочке для обуви, хотя обычно и по ступенькам лапы еле-еле передвигает. Как он туда забрался?

– Что здесь произошло, Родион? – строго спросил Дима.

– Ву-у-у-у! – жалобно отозвалась псина, мотнула головой в сторону кухни и посмотрела на него с неприкрытым сочувствием.

Полуянов, не разуваясь, двинулся туда. По пути заглянул в ванную комнату. А там – елочки зеленые! – совсем уж удушающая жара и по щиколотку воды, от которой поднимался пар и в которой, будто айсберги, плавали яблочный огрызок, его любимый Пушкин 1911 года издания и трубка городского телефона. Первым делом Полуянов бросился к книжному рари-тету – но Александра Сергеевича с прихотливыми «ятями» было уже не спасти. Дернул же лукавый вчера вечером взять с собой в ванную антикварную книгу! И Надька тоже хороша, не могла с утра убрать!!!

Дима метнулся в кухню – та тоже оказалась затоплена. Проверил обе комнаты – здесь полы были только чуть мокрые, но паркет все равно успел вздуться, а обои – отклеиться. И жара, жара – несомненно, прорвало трубу именно с горячей водой. А где? Ага, вот. В туалете. В месте стыка практически разошлась. Дырища огромная. Ничего себе, отсюда хлестало! Пока, видно, во всем доме воду не перекрыли.

Полуянова охватило раскаяние. Надька давно уже намекала, что хорошо бы сменить отжившие свой век трубы, но у Димы так и не нашлось времени на скучную хозяйственную повинность. Тогда Митрофанова сама купила на рынке комплектующие и наняла каких-то сомнительных узбеков. Дима посмотрел на их работу и сразу отметил: халтурно, на «живую нитку». Но понадеялся, авось пронесет.

Не пронесло.

– У-у-у!... – продолжал жалобно скулить из прихожей Родион, видимо, боясь слезть с тумбочки.

Едва Полуянов подхватил псину, как в дверь забарабанили. Целая делегация! Лысый дядечка с нижнего этажа, две старушечки – тоже из их подъезда, участковый и пьяненький слесарь в грязных резиновых сапогах – этот, не спрашивая позволения, сразу пошлепал в сторону туалета.

Остальные остались в коридоре.

– Вы только гляньте! У них самих – и нормально все! – гневно выкрикнула одна из старух.

– Стоит, улыбается – будто ничего не случилось! У, глаза бесстыжие! – тут же подхватила вторая.

– Не то что у нас. Карфаген, руины! – трагически проговорил лысый дядечка.

Слесарь же, высунувшись из туалета, возвестил радостным тоном:

– Труба у них нештатная, так что ДЭЗ ответственности не несет! – И с деловым видом повернулся к Полуянову: – Гостей столицы нанимал менять? Ну, дурак!

– Да, парень, – вздохнул участковый, – похоже, ты на большие деньги попал. Три квартиры затоплены. У жильцов под вами с потолка аж хлестало – до тех пор, пока во всем доме воду не перекрыли. А у них – свежий евроремонт.

Ох, как же хотелось Полуянову заорать, что он не имеет никакого отношения к этим трубам. И к этой квартире. И еще – он страшно голоден. И устал. И жаль ему не чужого евроремонта, и даже не Надькиного паркета, а раритетного Пушкина... И вообще, пошли все отсюда прочь! Он не приспособлен к хозяйственным делам, Надька придет – с ней и ругайтесь.

Но только, увы, он был главой семьи, мужчиной, и разбираться с внезапно нагрянувшей проблемой предстояло именно ему.

Полуянов распахнул дверь, голый по пояс и с бутербродом в руке. Надя первым делом отметила, что на пол летят крошки – и лишь во вторую очередь разглядела страшно вспучившийся паркет и отставшие обои.

– Что *ты* здесь натворил? – ахнула она.

Димка не ответил. Хозяйским жестом притянул ее к себе, чмокнул в щеку и лишь потом беспечно произнес:

– А, ерунда. Был небольшой потоп. Но я все уже убрал.

Митрофанова обвела свои владения растерянным взглядом. Прищурилась на некогда ослепительно-белый пуфик – теперь он был весь в потеках. Когда перевела взгляд на Полуянова, глаза ее метали молнии:

– Ты уходил после меня. Забыл закрыть кран?!

– Ну, ничего себе! Я тут мечусь как белка, устраняю последствия, а ты сразу с наездами! Все я закрыл! Это *твою* трубу прорвало. – И, не удержавшись, укорил: – Ту самую трубу, что тебе гастарбайтеры поставили. Говорил же, не связывайся с ними! Я бы сам все сделал!

– Когда? Когда бы ты сделал? К чемпионату мира по футболу? Восемнадцатого года?

– Да ладно, – попытался пошутить Дима, – к следующему чемпионату Европы все бы было готово!

– Теперь весь паркет надо перестилать! И обои переклеивать! – зашипела Надя. Бросившись в кухню, выкрикнула оттуда жалобно: – И гарнитур новый покупать!

– Ну и ладно, все равно давно пора было ремонт делать, – беспечно отозвался Полуянов. – Теперь хотя бы повод появился.

– Да? А кто будет заниматься всем этим? И где деньги брать?! – продолжала бушевать Митрофанова.

А ведь он еще не сказал ей, что соседи – из трех квартир снизу – собрались им иски предъявлять за испорченное имущество.

– Что ты, Дима, за человек! – плачущим голосом продолжала подруга. – Думаешь, самый гений, да? Я, мол, сижу, творю, а все остальные – пусть за мной конюшни расчищают?

– Какие еще конюшни?

– Авгиевы, – отрезала Надя. – Но теперь все, хватит! Надоело! И клубнику из своей квартиры сам выноси! Как знаешь!

– Чего выносить? – удивленно вскинул брови Полуянов.

А Надюха – бессильно опустила по стеночке и отчаянно разрыдалась.

Ох уж эти женщины! Подумаешь, квартиру залило! Событие – в сравнении с ежедневной лентой новостей – скучнейшее, заурядное. А она рыдает, будто умер у нее кто-то.

Как же она любила Полуянова! Когда-то. Но сейчас не просто выгнать его была готова, но даже убить. Собственными руками. Обломком той самой трубы, которую она умоляла починить как минимум в течение года. Но нет, у Димки постоянно творческий поиск, командировки. А когда вдруг свободное время выпадет, все равно он не снизойдет до каких-то прожавевших коммуникаций.

Надя на своей работе в научной библиотеке давно привыкла к отрешенным творцам, настолько не от мира сего, что не умели мобильными телефонами пользоваться и могли в читальный зал в пижамных брюках явиться – потому что над монографией задумались и забыли одеться. Но дело в том, что ее-то саму никогда не привлекала участь сиделки при гении. В Димке она полюбила в первую очередь защитника. Мужчину. Надежду, опору. И Полуянов, худо-бедно, с ролью главы семейства справлялся. Пусть без «золотых гор», но их ячейку общества обеспечивал. И хулиганов, когда Димочка рядом, можно было не бояться. И ухаживать он умел. И в ванну с шампанским однажды ее затащил. И весело с ним. Но вот его беспомощность в быту Надю просто бесила. Димкина ведь вина – ничья больше! – что трубу прорвало. Да и сейчас что он в квартире натворил?! Как можно собирать грязную воду наволочкой и сливать помой в кастрюлю?! И как ей в связке со столь безответственным товарищем теперь делать ремонт?!

– Ты паркет когда-нибудь настилал? – буркнула Надежда.

– Я?! – изумился Полуянов.

– Ясно. А обои клеил?

– Клеем мазал. Давно, еще в школе, – задумавшись, вспомнил он. – Мама припахала. Но они отваливались все время, и она сказала, что сама доделает.

– Ничего, – отрезала Митрофанова, – научись.

– Ой! – отмахнулся Дима. – Любишь ты, Надюха, из мухи слона раздувать! Подумаешь, беда! Зачем самому-то клеить? Найдем специально обученных людей, они все сделают.

– Трубы нам уже сделали!

– Ну, это ведь *ты* выбирала водопроводчиков.

Она не сразу нашлась, чем ответить на подобную наглость. Но Димка ответа и не ждал. Вместо этого проговорил деловито:

– Лучше ужин разогрей. И не терзай больше мой слух хозяйственными проблемами.

Надя почувствовала, что пунцовеет, но продолжить скандал не успела. Полуянов нахально обнял ее, прижал к стене и жадно прошептал в ухо:

– Лучше давай начнем с любви! Секс на развалинах, класс!

Она повырывалась пару секунд, а потом прильнула к нему, прижалась всем телом. Даже Родион – и тот посмотрел с укором.

А Надя таяла в Димкиных объятиях – в разгромленной квартире, на пропитавшемся влагой ковре – понимала, что сейчас абсолютно счастлива.

...Когда все закончилось и Полуянов с деланным возмущением произнес: «Ты мне ужин наконец разогреешь?», она с задумчивым видом сказала:

– Когда симпатия, тебе в человеке нравится внешность. Когда нравится еще и характер – это влюбленность. А когда непонятно за что любишь – это и есть настоящее чувство... от которого крышу срывает.

– Ох, Надька, приятно слышать! Ты говори, говори еще! – расплылся в улыбке Дима.

– И еще я очень хочу от тебя ребенка. Такого же несносного, бестолкового и... и любимого. – Митрофанова, расчувствовавшись, всхлипнула и виновато взглянула на Димку. Если она заикалась о детях, тот сразу мрачнел, замыкался в себе.

Вот и сейчас он досадливо пробормотал:

– Ты опять, Митрофанова?! Тоже мне, нашла время! Полный кризис, ремонты, судебные иски – а ты все о детях!

– Ерунда! – отмахнулась она. – Люди и во время войны детей делали. Прямо в окопах.

– Надежда! – повысил голос Полуянов. – У тебя совесть есть? Мало что я во всей квартире полы вымыл? Не кормлен и утомлен бурной страстью? Ты мне еще и нервы будешь мотать?

– Имею право, – улыbnулась она. – Хотя иногда, – и пошла на кухню.

Но когда, включив плиту, перемешивала мясо с овощами, в сковородку упала слезинка. Она продолжала всхлипывать, но тут из комнаты донесся голос Полуянова:

– Надюха! Ну куда нам с тобой детей заводить – в такой-то халупке?

– Да у тебя всегда найдется предлог! Халупка, маленькая зарплата, кредит за машину, плантация клубники, иски, финансовый кризис! – возмутилась Надя.

– Все, музыка, стоп! Лови мысль, пока не ушла. Предлагаю: ремонт – к черту! На обеих квартирах, – входя в кухню, продолжал Дима.

– Чего?

– Продаем их. За сколько возьмут.

– С ума сошел?!

– А себе покупаем хорошую «трешку». Или даже четырехкомнатную. Чтобы нормальная гостиная, спальня. Мне кабинет. Ну, и детская, если уж ты так настаиваешь.

– Дима!

Надя бросилась ему на шею, плакала, целовала. Он стоял лицом к плите и прекрасно видел, как подгорают вожделенная отбивная. Но – будучи истинным джентльменом! – ничего не сказал. Вечер все равно не задался, и очередная неприятность роли уже не сыграет.

– Я обязательно ее убью.

– Убивай. Сначала брата потерял – теперь сам пожизненное получишь, – равнодушно бросил хозяин.

– Но я жить не могу, когда думаю, что он – в могиле, а этой дряни – хоть бы хны.

– Говорю тебе, она не дрянь, она просто не знала.

– Вы совсем бессердечный? Не понимаете, как мне тяжело?

– Понимаю. Но в тебе сейчас говорит горе, а оно – плохой советчик.

– Я все равно никогда ее не прощу.

– А я и не говорю тебе, что надо прощать. Но идти напролом – глупо. Выжди, все обдумай...

– Здесь не над чем думать. Я уничтожу ее.

– Да уничтожай ради бога, она нам больше не нужна. Только зачем самому-то мारаться?

– А кто за меня это сделает?

– О-о, ты даже не представляешь, сколько в мире любителей! Сколько чудовищ с удовольствием поохотятся на красавицу.

– Вы просто успокаиваете меня.

– Я просто призываю тебя не торопиться. Поезжай в отпуск, расслабься, отпусти голову. Медитируй. Ты знаешь, что это такое? Нет? Ладно, просто грей пузо на солнце. И я почти уверен: через пару месяцев твоя проблема решится сама собой.

– А если нет?

– Тогда я сам благословлю тебя. И дам пистолет. Договорились?

Двадцать лет назад

Есть люди обычные, кто живет по правилам, а есть те, кто на общие порядки *плевать хотел*. Именно таким дядя Николай и был. И такой же считала себя Изабель. Потому они, наверное, и встретились.

Русских в Гаване тогда, двадцать лет назад, почти не было. Если залетали редкие птицы-туристы – водили их толпами, под охраной. По специальным маршрутам и в особые рестораны.

Дядя Николай на Кубу приехал работать. Инженером. На два года. И ему тоже, в принципе, полагалось держаться от местных особняком, ходить на приемы в посольство, ездить – чудо чудное! – на новенькой машине. Но только инженер из России обожал Хемингуэя, море и испанский язык. А знаменитое Кей-джи-би в те годы уже расслабило свои щупальца и на маленькие вольности российских граждан смотрело сквозь пальцы. Вот дядя Николай и жил, как хотел. С удовольствием купался на пляжах для кубинцев, курил с ними сигары, соглашался пить дрянной ром. И конечно, знал главную любимицу Virgen de Camino¹ – шестилетнюю Изабель.

...Сирот на Кубе, стране победившего социализма, официально не существовало. В том смысле, что все они должны были находиться под опекой государства, в детских домах. Большинство там и сидело – послушными овцами. Только не Изабель. Строптивая кубинка проявляла виртуозную изобретательность и из своего казенного заведения сбегала регулярно, с восторгом возвращаясь в родной квартал. До тех пор, пока ее не ловили и не возвращали обратно, целыми днями болталась на улице, купалась в океане, танцевала, пела, и, хотя поесть ей удавалось от силы пару раз в день, не унывала никогда.

«Чего тебе в детдоме не хватает? – удивлялись все вокруг. – Кормят, одевают, учат!»

А вот загадочный русский, дядя Николай, маленькую бунтарку не осуждал. Внимательно выслушивал жалобы – до чего тошно жить в общей спальне и ходить строем. Подкармливал, как-то даже помог спрятаться – от рейда службы опеки. И однажды предложил девочке: «Хочешь поехать в Россию?»

– Это как? – растерялась она.

– Мы с женой можем тебя удочерить. Если ты хочешь, конечно.

Маленькая Изабель ничего не знала про Россию. И никогда не видела жену дяди Николая. Но все равно с восторгом согласилась. Одно дело – детдом, и совсем другое – когда у тебя настоящие папа с мамой!

Формальности уладили на удивление быстро. В ноябре девочка познакомилась с новой мамой – очень красивой, очень холеной, но холодноватой женщиной. А уже в декабре покинула свою родную страну – навсегда.

---

¹ Неблагополучный район в Гаване. (Здесь и далее прим. авторов.)

За день до вылета дядя Николай велел ей примерить толстую куртку и отороченные мехом сапожки. Изабель чрезвычайно не понравилась тяжелой одежда, и все же она покорно и терпеливо ждала, пока ей застегнут все пуговицы и подвернут брюки. Только спросила:

– Мы собираемся на карнавал?

– Нет, милая, – рассмеялся новый папа. – Мы с тобой собираемся в новую жизнь.

Что ж. Пока все происходящее девочке нравилось. Вкусно кормят, не бьют. А про Россию, где она теперь будет жить, в их квартале говорили с уважением. Страна больших возможностей. Разбогатеть там теперь можно покруче, чем в Америке.

Но девочка и подумать не могла, что на ее новой родине окажется настолько холодно. Никакие куртки не помогали, никакие перчатки. Как только местные дети могут хватать ледяной снег голыми руками? Ноги тоже постоянно промораживались – до такой степени, что пальцем не шевельнешь.

А больше всего девочка мерзла, когда бывала на льду.

В красивый зимний вид спорта под названием «фигурное катание» Изабель влюбилась с первого взгляда. Увидела как-то по телевизору соревнования – и застыла. Целый час просидела, словно приклеенная, а когда передача закончилась, выдохнула:

– Я тоже так хочу!

– Куда тебе на лед, птичка ты моя тепловая? – ахнула ее няня, тетя Тамара.

– А почему нет? – решительно поддержал девочку папа. – Изабель гибкая, возраст подходящий. Заодно побыстрее привыкнет к нашим реалиям.

Но со спортом у маленькой кубинки не заладилось, хотя она готова была трудиться сколько угодно, чтобы скользить, порхать невесомой бабочкой в ярком платье и с немыслимо красивой прической.

И только в зале, уютном и теплом, где юные спортсменки занимались хореографией, у Изабель получалось неплохо. Но стоило оказаться на катке – лед ее будто сковывал. Всю. От головы до пяток. Самое обидное, мысли тоже вымораживались, до такой степени, что даже простейший перекидной прыжок, отработанный в зале до совершенства, она не могла сделать, падала.

Мама сердилась, называла неженкой. Няня понимала ее лучше, вздыхала: «Тяжело тебе, бабочке тропической, в нашей холодной России. И уж особенно – на катке». А папа, дядя Николай, он постоянно работал. Смешно сказать, на Кубе, где она была ничейной сироткой, и то больше общались, чем теперь, когда стали одной семьей. Или дело в том, что на Кубе папа был вольной птицей, а здесь, в России, за ним постоянно следил ледяной мамин взгляд?

Изабель чувствовала себя беспомощной и ужасно одинокой. Мало того, что оказалась в чужой, холодной стране и к маме с папой, пусть хорошим, пока не привыкла, так еще и новый язык – русский – ей не давался. Когда говорили медленно и раздельно – кое-как понимала. Но кто будет создавать для нее особые условия? Няня – та старалась «разжевывать», а детишки во дворе будто специально начинали тараторить, чтоб выключить чужачку из своих игр. А еще дразнили негритянкой, хотя в ней «черной» крови – всего четвертинка и глаза голубые.

Школьные науки тоже шли со скрипом. Только музыка с физкультурой – без проблем, а все остальное – сплошной кошмар.

Изабель часто плакала – незаметно, чтобы не расстраивать маму с папой. А иногда и за ужином роняла слезинку – если вдруг по телевизору показывали ее родную страну или хотя бы просто море.

– Ничего, милая, лето настанет – будет лучше, – утешала няня.

Как только зазеленели деревья, она стала водить воспитанницу на речку или к пруду в городской парк. Изабель, чтобы не обидеть женщину, вежливо восхищалась ивами, что скло-

нялись прямо к воде, истерическим кваканьем лягушек. Но в глубине души была ужасно разочарована. Разве сравнить все эти жалкие лужи с бескрайним, мощным, безжалостным океаном!

– Скоро совсем потеплеет, можно будет купаться! – радостно пророчила няня.

Но Изабель видела на илистом, бр-р, дне самых настоящих пиявок. Ни за что в жизни она в такой водоем не полезет. Как говорили в их квартале: «Если видны берега, это уже не море».

И вообще, все здесь, в России, странное. Не родное.

Мама с папой, конечно, хорошие, не быют, однако Изабель и в голову не приходило ночью, если вдруг приснился кошмар, прибежать за утешением к ним в спальню или пожаловаться родителям на злых детей во дворе, на обидные слова тренера по фигурному катанию, на то, что горло у нее болит почти каждое утро.

Куда спокойнее и проще притворяться, что всем довольна. Горло же она решила сама лечить, разводила с водой мед и каждый день полоскала. А мама даже ни разу не спросила, что она делает! Не до дочери ей. Ходит к косметологу, на танцы, на аэробику. А сейчас возле их дома открыли бассейн – записалась еще и туда.

Когда Изабель попросила ее тоже повести в секцию плавания, мама лишь поморщилась:

– О чем ты говоришь? Учебный год заканчивается. Новый набор только в конце августа будет.

Но в бассейн Изабель все же попала.

Как-то няня заболела, а у мамы в этот день была аквааэробика, вот и взяла дочку с собой. Провела мимо строгой тети на входе, усадила в холле на диван, дала куклу, раскраску, фломастеры и строго наказала никуда не отлучаться. А толстого дядю-охранника попросила, чтобы присматривал: «Она девочка сложная, по-русски плохо понимает».

Тот сначала старался: разговаривал с ней медленно, чтобы она все слова разбирала, дал конфету. А потом вдруг что-то случилось – машину, что ли, на парковке поцарапали. Началась суеда, толстый охранник, контролерша, даже строгая тетя, что выдавала смешные целлофановые тапочки под названием «бахилы», разбежались. Девочка осталась в холле одна и, конечно, не удержалась. Вскочила с дивана, прижалась носом к стеклянной двери, за которой искрилась вода, а потом – словно в спину кто-то толкал! – проскользнула внутрь, в огромный зал, и застыла в восхищении.

Прямо перед нею, на одной из искрящихся под ярким искусственным светом дорожек, порхали бабочки. Безумно красивые, изящные, тонкокрылые. В первую секунду Изабель показалось, что это не люди, а эльфы танцуют. Но присмотревшись, разобрала: в воде плещутся девочки, по возрасту почти такие, как она, а у бортика стоит женщина и – словно фея! – выбрасывает из огромного мешка разноцветных зайцев, медведей, тигрят и при этом громко кричит:

– Ныряем, деточки, ныряем за игрушками!

Простейшее и очень интересное задание.

Но девчонки – дрожат, пищат. Одна плачет. Игрушки медленно тонут. Хотя чего бы не погнаться за ними, не подхватить с водной глади? Или не нырнуть? Совершенно не опасно. Воды в бассейне – от силы по плечи. Зайцы, медведи, тигрята отчетливо видны на дне. Изабель еле удержалась, чтобы не рассмеяться. Чего, интересно, русские себя храбрыми считают? Лично она – давно, еще в четыре года! – без проблем ныряла на самую настоящую глубину. И не в какой-то жалкий бассейн – в океан. Сначала просто для удовольствия, а потом мальчишки постарше придумали: туристов развлекать. Бросали с двухметрового обрыва ярко-красный стеклянный камушек. На белоснежном песке его видно отчетливо, но старые дядьки и тетьки с фотоаппаратами всегда пугались, когда девочка рыбкой погружалась с морскую пучину. А когда она со своим трофеем выныривала – с восхищением аплодировали. И давали, кто не жмот, денежку или конфетку – для вечно голодной Изабель неплохо.

У Изабель аж руки затряслись, до того ей захотелось ощутить волшебное прикосновение воды. Задержать дыхание и привычно изумиться, до чего сладок воздух, когда выныриваешь. Она тоскливо смотрела на девчонок и готова была зарыдать.

На нее никто не обращал внимания – ни тренерша, ни юные спортсменки. Только уборщица, прокатив мимо свою тележку, прошипела: «Разносят тут грязь в уличной обуви!» Но выводить не стала – прошлепала мимо.

Выскользнуть бы прочь, пока не заметили, но не было сил оторваться от удивительного зрелища. И, конечно, она упустила момент, увидела, как навстречу торопится давешний толстый охранник.

Девочка затравленно посмотрела на стража, а он что-то выкрикнул, но она не поняла, зато безумно испугалась, отступила от толстого дядьки, поскользнулась – и неудачно, спиной, рухнула в воду.

Толстый охранник что-то выкрикнул – голос перепуганный, злой. А Изабель набрала в легкие побольше воздуха и нырнула. Вода в бассейне совсем другая, нежели в океане, – не выталкивала, но тянула на дно. И воняло чем-то противным. Но все равно восхитительно. Жаль, что продлится чудо считанные секунды.

Изабель никогда не закрывала глаза на глубине и сейчас сквозь толщу воды прекрасно видела перекошенное от страха и ярости лицо охранника... перепуганную физиономию тренерши. Взрослые бестолково суетились, бросали в воду спасательный круг, а юные спортсменки брызнули от нее врассыпную, будто она чумная.

Зато под водой – тихо, хорошо. Безопасно. Потому Изабель совершенно не спешила выбираться на поверхность. Неторопливо, с удовольствием поднырнула к утонувшему игрушечному медвежонку, подняла его и прижала к груди. Проплыла еще и наконец вынырнула на поверхность.

– Жива! Жива! – истерическим, бабским голосом заверещал охранник.

А Изабель неторопливо поплыла к бортику. Когда выбралась, на нее сразу налетели, стали укутывать в полотенце, щупать пульс, оттягивать веко.

Мужчина в белом халате строго спрашивал:

– Тебя тошнит? Голова кружится?

Другой дядька – в костюме – возмущенно наступал на охранника:

– Ребенок! Упал! Не умеет плавать! Тонул! Почему допустили?!

Тот опустил голову, тряся, словно щенка, что-то виновато бормотал, и девочке стало его ужасно жалко. Она оттолкнула надоедливую врачиху, выступила вперед и громко проговорила:

– Я сама прыгнула! И не тонула! И вообще я могу под водой сколько угодно просидеть!

Грозный дядька оставил в покое охранника и переключил внимание на нее:

– С кем ты сюда пришла?

Сейчас, наверное, и маме достанется за то, что оставила ее в холле одну. Изабель опустила голову, мучительно думая, как бы вывернуться.

Но тут сквозь обступившую ее толпу протолкалась тренерша – та, что учила пугливых девчонок вылавливать из воды игрушки, взяла девочку за подбородок и спросила:

– Кто учил тебя нырять?

– Мальчишки, – пробормотала Изабель.

– А сколько тебе лет? Спортом каким-нибудь занимаешься? Где живешь?

– Шесть. Нет, уже семь. Фигурным катанием. На Кубе, то есть в Москве, – залепетала в ответ Изабель.

– Фигурным катанием? На Кубе? Ф-фу, ничего не понимаю, – потрянула головой тренерша. – А что такое синхронное плавание, знаешь?

– Нырять за игрушками? – с готовностью подхватила Изабель.

– Ну, почти, – улыбнулась женщина. – Приходи ко мне на тренировку, я все тебе объясню.

– Да, спасибо, обязательно! Я приду! – счастливыми глазами посмотрела на тренершу девочка.

– Вот и чудненько. Тогда жду тебя завтра к семи утра. Да, кстати, у тебя со здоровьем как?

– Все хорошо. Я сама себя закалила. Теперь могу мороженого хоть пять порций съесть, и горло даже не заболит, – похвасталась Изабель.

– Вы с ума сошли, Галина Васильевна! – прокрипел мужчина в костюме. – Семилетку в спортивную группу берете? В конце года? Без медицинской справки?!

– Зато она в воде полторы минуты просидела, – с восхищением произнесла тренерша и подмигнула Изабель: – Ты у меня еще звездой станешь.

Мама, конечно, ужасно рассердилась. Мало того, что Изабель напроказничала в бассейне, так еще новая блажь – попросила немедленно купить ей купальник, а завтра повести на тренировку.

Изабель использовала все свое красноречие:

– Но, мама! Синхронное плавание – это восхитительный, самый лучший вид спорта. Красивейший в мире!

– Ты ровно то же самое говорила несколько месяцев назад про фигурное катание, – пожимала та плечами. – О'кей. Я с большим трудом устраиваю тебя в секцию, хотя набор давно закончен, покупаю коньки, все эти платья, вожу на тренировки, плачу немалые деньги. Да еще выслушиваю твои бесконечные жалобы, что тебе холодно, что тебе сложно.

– Но сейчас будет совсем по-другому, я обещаю!

– Да, конечно. Проблемы начнутся другие. Вода мокрая, хлорка едкая. Да и вставать в шесть утра будет совсем не просто, ни тебе, ни мне.

Изабель опустила голову. Это правда. «Счастливый человек никогда не просыпается по будильнику», – говорили в ее родном квартале. Но тренер, Галина Васильевна, сказала:

– А я тебя беру – в группу спортивную. С перспективой. Потому что у тебя талант, девочка!

До чего приятно было это слышать. Не то что в фигурном катании, где ее все дразнят слоненком.

А мама – та еще поймет, что была неправа. Когда Изабель станет в синхронном плавании самой-самой знаменитой чемпионкой.

Глава вторая

– Только квартирным вопросом занимайся сама, – сразу заявил Полуянов.

– Димочка, а я разве против? – удивилась Надя.

Она настолько была рада, что журналист наконец предложил съехаться, соединить жилплощадь и судьбы, что и коробки во время переезда готова таскать – лишь бы любимый не передумал.

А продать две маленькие квартиры и купить одну большую взамен вообще, казалось Митрофановой, элементарное дело. Народ ведь у нас все больше разъезжается, «рубит» трех-четырехкомнатные на маленькие «однушки» с «двушками».

Надя решила, что даже без риелтора обойдется, – зачем лишние деньги тратить? – и сама подала объявления.

Ох и веселье началось, когда их опубликовали! Шквал звонков, толпы народу – по телефону вдохновенно ввали, что покупатели, а на деле оказывались риелторами. Квартиры даже толком не рассматривали, немедленно заводили одну и ту же песню:

– Дом старый, подъезд грязный, планировка устаревшая. Нужно цену снижать, причем радикально. А то очередной жилищный кризис грянет, вообще тогда останетесь у разбитого корыта.

Но Надя-то мечтала на вырученные деньги хорошую четырехкомнатную купить. Да еще чтобы на переезд хватило, на ремонт, пусть минимальный. Неужели из затеи ничего не получится?

– Не нравятся никому наши квартиры, – грустно докладывала она Полуянову.

А тот вроде и не расстраивался. Наде вообще уже начало казаться, что Димка будет рад, если из их обмена ничего не получится. Зря, похоже, она понадеялась на обручальное кольцо и, в ближайшей перспективе, на младенца.

Димке претензий пока не высказывала – страдала молча.

Но Полуянов удивил.

Однажды вечером вдруг явился вместе с дядечкой крошечного росточка, патлатым, нематым, картавым.

– Вот, Надюха, знакомься, – представил он его, – Аскольд Иванович. Лучший в Москве «черный маклер» и вообще гений квартирных афер.

– Афер? – опешила девушка.

– В хог'ошем смысле, – по-ленински раскатывая «р», заверил сомнительный тип. И – как Ильич! – хитро подмигнул: – Давай, Надежда, уж не знаю, Константиновна ты по батюшке или кто, собирай на стол. Сделочку спрыснем.

– Какую сделочку? – окончательно растерялась она.

– Что значит «какую»? Продажу! Ваших с товарищем Полуяновым хором, – усмехнулся «черный маклер». – Месяца не пройдет – улетят обе жилплощади, – заверил он. – Гарантирую, что с вашими благостными хибарами проблем не возникнет. Вот вчера квартирку спихнул – это я понимаю. Совладельцы – один в «дурке», второй на зоне. Кухня вся выгорела – они там «ханку» варили. Но ушла на сотню штук выше рынка.

– Ладно тебе, Аскольд, не кокетничай, – потрепал гостя по плечу Полуянов. – У нас тоже: в одной квартире плантация клубники, а во второй потоп.

– Да це ж разве недостаток? – радостно завопил Аскольд. – Понимаю, если б у вас трупный запах не выветривался. У меня однажды было – покойник на жилплощади почти два месяца пролежал! И ничего, тоже купили.

Надя болтуна даже всерьез не восприняла – накрыла быстренько на стол, оставила мужчин и ушла к телевизору.

Но только на следующий день Аскольд явился снова. Да не один – привел на просмотр сразу троих покупателей. А завтра потребовал вместе поехать, Димину квартиру показывать.

– Когда народ подойдет, рот держи на замке, все переговоры только через меня, – строго предупредил он Надю.

И вел себя, на ее взгляд, просто безобразно. Постоянно поглядывал на часы, на вопросы покупателей отвечал, будто оказывал великую милость. Плоско шутил: «Когда будете за квартиру драться – пожалуйста, не здесь, выходите на лестницу». Что интересно, люди терпеливо сносили его грубости, а один – чуть не в рот ему заглядывал.

И только на третьем просмотре Митрофанову царапнуло: вроде этот же покупатель приходил к ней вчера! Да и позавчера, кажется, тоже.

Когда спросила Аскольда, тот захихикал:

– Чего? Только сейчас скумекала? Мой фирменный метод! Главное – создавать здоровую конкуренцию. Мишаня – кто со мной на показы ходит, – когда-то в опере пел, знает, как в глаза пыль пускать. И берет недорого. Бутылки в день ему достаточно.

Самое удивительное, что авторский подход – на Надин взгляд, грубейший и примитивный – сработал до чрезвычайности быстро. Как Аскольд и предрекал, месяца не прошло, а за обе их квартиры вручили задатки. Да еще удалось договориться, что сделки по продаже их с Димой недвижимости пройдут в одном банке и в один день.

– Теперь, Надежда Батьковна, ты в игру вступай, – велел ей маклер. – Подстраивайся к цепочке: чтобы одновременно вам покупке оформить.

– Аскольд Иванович, – разохотилась она, – так, может, вы – с вашими талантами! – сами нам альтернативную квартиру найдете? Получше и подешевле?

Но дядечка метнул на нее взгляд, исполненный ужаса:

– Даже не думай. Не мой профиль. Г... по цене конфетки продать – это да, это я умею. А гнездышко себе сами ищите, чтобы потом дядю Аскольда недобрым словом не поминать.

И Надя начала охоту. Каждое утро теперь вставала на час раньше и, даже кофе не выпив, бросалась просматривать квартирные базы данных – не появилось ли что-нибудь новенькое? Прекрасно изучила плюсы и минусы кирпичек с монолитами, досконально разобралась в транспортном сообщении родного района Медведково, знала, какие дома в ближайшие годы ждет капитальный ремонт. Почти ежедневно – сама, не дергать же по таким мелочам Полуянова! – ездила на показы. И постоянно попадала в какие-то хибарки – хотя во всех объявлениях обязательно писали про «евродом» и «евроремонт».

Когда пожаловалась Аскольду, тот фыркнул. Нужно, мол, уметь читать между строк. И понимать: фраза «светлая, солнечная квартира» означает – окна выходят на юг и летом солнце шпарит так, что дышать невозможно. А элегантно заявление о том, что «жилье готово к воплощению ваших самых смелых дизайнерских фантазий», переводится: «в наличии имеются лишь голые стены».

Впрочем, даже если квартира на первый взгляд выглядела прилично, Надя не спешила показывать ее Полуянову. Прежде приезжала по адресу еще раз. Совершала прогулку по кварталу, болтала с соседями, на нужный этаж обязательно поднималась пешком. И, как правило, обнаруживала до крайности неприятные недостатки. Букмекерскую контору в соседнем подъезде. Наркоманский притон в доме напротив. Одна квартира (в объявлении значилось: «из окна вид на прекрасный, старинный парк») и вовсе была с подвохом, потому что парк оказался больничным, а ближайшее к жилью здание – моргом, возле которого шесть дней в неделю теснились катафалки и рыдали безутешные родственники. (А она, наивная, еще удивлялась, почему риелтор настаивал явиться на просмотр именно в воскресенье, – это единственный день, когда похороны не проводятся.)

В общем, ни единой пока «квартиры мечты» ей не встретилось.

А покупатели на их жилье, между тем, взялись бунтовать. Как ни обрабатывал их Аскольд, выдвинули ультиматум: «Еще неделю ждем, а потом извольте вернуть аванс».

Но не могут ведь они с Полуяновым отправиться бомжевать? Беспечный Димочка, правда, предлагал:

– А что? Очень романтично. Поживем в гостинице!

Но практичная Надя идею отмела на корню. У нас, увы, не Америка. Склады, куда можно временно свезти мебель, пусть имеются, но цены там такие, что проще шкафы с сервантами сразу вынести на помойку.

Однако девушка заверила покупателей, что в самые ближайшие дни они будут готовы выйти на сделку. И удвоила – нет, утроила, учетверила! – силы по поиску нового гнездышка. Уже и на компромиссы пошла: согласилась рассматривать верхние этажи и квартиры, чтобы от метро не пешком, а до двух остановок транспортом. Но пока на заметке имелся лишь так называемый клубный дом (хотя решительно ничего в нем элитарного, просто построен недавно) с «отличной планировкой» (больше половины площади занимали кухня и коридоры). Ну, и еще квартира с «эксклюзивным, дизайнерским ремонтом и антикварной мебелью» – красные с золотом обои, столь же безвкусные диваны с креслами и особая гордость хозяев – унитаз «под гжель».

Димка обе квартиры видел, местоположение, вид из окна и цену одобрил. Но заявил, что кухня площадью двадцать восемь метров (в случае первом), как и лепнина на потолке (в случае втором) ему категорически не нужны.

– Ничего, Надюшка! Все к черту снесем и сделаем ремонт – под себя. Возьмем пивка побольше, воблы и будем с тобой вдвоем обои клеить. Ты в коротенькой юбочке, я – с обнаженным торсом. М-м-м! По-моему, очень романтично, – жизнерадостно пообещал он.

Митрофанова, конечно, в ответ посмотрела на Димочку влюбленным взглядом и с удовольствием ответила на поцелуй, но про себя решила: ни за что! Только капитального ремонта ей не хватало – в связке со столь безответственным товарищем, как Полуянов. Димке сие занятие максимум за день надоеет, и ей придется самой закупать отделочные материалы, хватать за руку вороватых прорабов и промывать мозги ленивым гастарбайтерам. Да и денег ремонт съест – ого-го, прощайте на ближайшие несколько лет отпуска на теплых морях и мечты о шубке.

Нет, любой ценой нужно найти что-нибудь подходящее для проживания.

Надя взяла на работе пару отгулов и прибегла к чрезвычайным мерам. Оплатила доступ к платным базам данным квартир – ничего. Распечатала кучу объявлений «куплю квартиру» и развесила их по району – толку тоже никакого. Даже в церковь сходила. Поставила Николаю-угоднику свечку, произнесла виновато:

– Прости, что по такой ерунде тебя отвлекаю. – И попросила послать ей не «отличную», не «шикарную», а просто нормальную квартиру.

Уже на следующее утро в базе данных появилось новое объявление: *«Четырехкомнатная квартира. Общая 96, жилая 65, кухня 12. Балкон, седьмой этаж шестнадцатизэтажного кирпичного дома, телефон, паркет, потолки 3,2 метра, окна во двор, ремонт сделан в прошлом году. Продаю срочно, хозяин».*

И цена – абсолютно вменяемая!

Надя даже не стала ждать, пока наступит время, уместное для звонков, – позвонила немедленно, в половине восьмого утра.

– Але, – хмуро буркнул женский голос.

– Извините, я вас не разбудила? – покаянно пробормотала Митрофанова.

– Молодец. Вежливая, – слегка подобрела собеседница. И неожиданно спросила: – По профессии ты кто?

– Библиотекарь, – слегка растерялась девушка.

– Интеллигентка. Это тоже хорошо. Риелторов я в шею гоню, они все хамы. Ну, давай, говори, чего интересуется.

И без единой запинки ответила на все Надины вопросы: продажа первичная, квартира приватизирована, собственник один, взрослый, на учете в психдиспансере не состоит. Сказка!

А уж когда хозяйка назвала адрес, Надя едва не взвыла от восторга. Дом оказался ведомственным, от Академии наук. Однако, в отличие от самой науки, в упадок не пришел. Жильцы управляющую компанию выбрали с умом. Территория огорожена, во дворе шумят вековые липы, детская площадка новехонькая. На лестничной площадке пальмы, зеркала. Красота! Митрофанова давно на этот дом облизывалась, только прежде квартиры в нем не продавалось.

– Когда можно посмотреть? – еще не веря в удачу, робко попросила она.

– Да хоть сейчас, дочка, приходи, – гостеприимно отозвалась хозяйка.

И Митрофанова даже завтрак Димке не стала готовить – неслыханное нарушение их семейной традиции. Помчалась на просмотр и все ждала, что какой-нибудь подвох да обнаружится.

Может, где-то рядом с элитным домом скрывается овощная база, морг, общежитие, химическое производство? Квартира, несмотря на заверения хозяйки, в аварийном состоянии? Что-то не так с документами? Ведь достойная жилплощадь – жизнь уже научила! – в открытой продаже не появляется. Риелторы налетают, словно грифы, и дальше начинается: оригинал свидетельства о собственности не увидишь, с хозяевами не познакомишься. На просмотр изволь являться вместе с другими покупателями, в назначенное время, а не когда тебе удобно.

Иные хозяева, конечно, пытаются «выключить» риелтора, лишнее звено. Но ушлых коммерсантов гонишь в дверь, а они в окно пробираются. Например, накидывают к цене тысячу – и перепечатывают объявление в собственной рекламе. Со своим, естественно, телефоном. Если владельцы начинают возмущаться, делают круглые глаза: «Мы никаких законов не нарушаем! Вам только лучше, если мы вам клиента – за вашу цену! – приведем!» И хозяева, естественно, сдаются.

...Поэтому Надя, готовая к тысяче неприятных неожиданностей, Димку обнадеживать не стала, туманно бросила:

– Посмотрю с утра очередную *квартирешку*, – и помчалась в дом своей мечты.

Отворила ей дверь бодрая тетка лет под семьдесят. Вида деревенского, с лицом простецким и хитроватым. Ага, сразу забеспокоилась Надя, вот и подвох. Дом принадлежит Академии наук, в хозяевах здесь должны быть как минимум доктора наук, а у дамочки и образования-то высшего, сразу видно, не имеется.

Однако женщина сразу расставила все точки над «і»:

– Я в ихней семье экономка. Но уже столько работаю, что давно свой человек и все практические вопросы за них решаю. Хозяйка, – закатила она глаза к свежепобеленному потолку, – натура творческая, вечно в высоких сферах витает... С чего начнем? С комнат, с кухни?

– Давайте, если можно, с документов, – попросила Надя.

– Как скажешь, доченька, – легко согласилась тетушка. – Меня, кстати, Тамарой зовут. Или Тамарой Кирилловной, если тебе к старшим по отчеству обращаться удобней.

Она усадила Митрофанову в кресло и предъявила полный пакет – от ордера (выдан в мажорном 1984 году) до почти новенького свидетельства о собственности. Сама стояла рядом, комментировала:

– Евгений Сазонович, кому квартиру выделили, – это Лизочкин дед, академик. Умер в девяносто шестом, когда по Белому дому палить начали, сердце не выдержало. Тогда и решили приватизировать наконец, а то мало ли что. Прописанных было трое. Собственником сделали Николая Евгеньевича – это академиков сын и Лизочкин папа. А с жены – она, соответственно, Лизочкина мать – взяли отказ от участия в приватизации. Лизочке тогда было восемь лет, ее в собственники не вписывали...

«Ага, а на сделке выплывет, что при приватизации права ребенка ущемлены!» – сразу заволновалась Надя.

Но Тамара Кирилловна уже демонстрировала следующий, тщательно обернутый в пластик, документ:

– В две тысячи шестом Николай Евгеньевич заболел и решил оформить на дочку дарственную. Как он сказал, на всякий случай. – Экономка вдруг понизила голос и заговорщицки добавила: – Они с женой тогда уже плохо жили, вот и боялся, вдруг та после его смерти будет с девочкой за квартиру судиться?

«С душком, похоже, семья», – вновь встревожилась Митрофанова.

Однако и новое опасение домработница развеяла.

– Но Бог – он все сам управил. Николай Евгеньевич свой недуг поборол. Вовремя спохватились, на первой стадии. Да и врачи у них в академической поликлинике хорошие. Беда с другой стороны подкралась. На следующий год, как он поправился, поехали они с женой в отпуск, на Индийский океан. В феврале, когда там шторма. Купаться полезли, а их – накрыло волной. Николай-то Евгеньевич выплыл, а супруга его утонула. Вот трагедия была! – вздохнула она. – Лизочка, конечно, сразу туда полетела, еле смогла отца домой привезти. Он все по пляжу бродил, тело жены искал. Да, тяжело им пришлось...

Но продолжать череду воспоминаний экономка не стала, предъявила очередную бумагу:

– Ладно, вы сюда не байки слушать пришли. Вот свидетельство о собственности. На имя Лизочки. В браке она не состоит и не состояла, детей нет. Никаких обременений или залогов.

Надя взяла документ, но рассмотреть не успела. Ровно в эту минуту затрезвонил мобильник. Димка. Возбужденный, веселый:

– Ну что, Надюшка? Хорошая квартира?

– Да я не знаю пока... – начала Митрофанова.

– Давай там, не придирайся особо, – перебил ее Полуянов. – А то наши покупатели только что звонили. Грозятся сегодня аванс вернуть.

– Как сегодня? У нас ведь еще неделя! – ахнула девушка.

– Понятно, что неделя, но покупатель, сама знаешь, всегда прав. Я у них еле два дня выбил.

– Легко тебе быть таким добреньким! – начала было Надя, но перехватила любопытнейший взгляд Тамары Кирилловны и пробормотала: – Дима, я тебе попозже перезвоню.

– Муж? – свойским тоном поинтересовалась экономка.

– Будущий, – улыбнулась в ответ Надя.

– Ну, для молодой семьи наша квартира вообще идеальная! – заверила Тамара Кирилловна. – Пойдемте, все вам покажу. Вот здесь – видите! – маленькая гардеробная. От спальни отрезали. Перепланировка, разумеется, законная. А рядом – техническая комната. Тоже очень удобно, пусть тесно, но сушилка и гладильная доска помещаются.

Однако больше всего Надю поразила спальня – той самой Лизочки, хозяйки квартиры, 1988 года рождения. Совершенно ничего кричащего и роскошного, зато различных гаджетов напичкано – будто в космическом корабле. Климат-контроль, сенсорные выключатели, увлажнитель воздуха, большой и прекрасно ухоженный аквариум с горбоносими золотыми рыбками. («Для оптимальной влажности воздуха», – прокомментировала экономка.) Массажное кресло, в нише у окна – парочка новейших тренажеров.

– Лизочка очень много работает, устает, нервничает, – не умолкая, говорила Тамара Кирилловна, – поэтому любит, чтобы дома все было устроено, как она любит. Чтоб все отлажено, все под рукой.

Митрофанова искренне позавидовала неведомой девице. Полюбопытствовала, больше из вежливости:

– А где она работает?

– У Лизочки свое дело, – поджала губы женщина.

Подробнее распространяться не стала. По лицу ее – или показалось? – пробежала тень.

– А почему вы квартиру продаете? – спросила она.

– Хотим ближе к центру перебираться. Ужасные пробки. Лизочке на работу ездить тяжело.

Вот удивительные люди! Живут практически в парке. От метро два шага, до Кремля – полчаса, по прямой ветке. Но разве спустится внучка академика Лизочка, избалованная личной гувернанткой и комнатой с климат-контролем, в подземку, к простому народу?

Ну и пусть, пусть переезжают – хоть в центр, хоть к черту на рога! Вместе со своими тренажерами, аквариумом и увлажнителем. А она обставит спальню по собственному вкусу. Вот сюда прекрасно встанет двуспальная кровать, а в нише будет ее будуар...

Нет, все. Рано пока мечтать!

– Когда вы готовы выйти на сделку? – тоном заправского риелтора произнесла Митрофанова.

– Альтернатива у нас подобрана, так что в любой день, как вы сами будете готовы, – отозвалась экономка. – Понравилась вам квартира?

– Да, – не стала лукавить Надя.

Она никак не могла придумать, к чему бы придраться, чтобы появился предлог скидку поклянчить.

Но экономка – вообще фантастика! – сама предложила:

– Если будете покупать, можем немного сбросить. Тысяч сто. Мы с Лизочкой обсудили.

«Беру, беру!» – чуть не завопила Надя, но удержалась и сухо проговорила:

– Пока ничего сказать не могу. Нужно, чтобы сначала муж посмотрел.

Только бы какой-нибудь ушлый риелтор не увел квартиру до вечера – раньше-то Димка подъехать никак не сможет!

Целый день Митрофанова только и думала о возжеленной квартире номер сто восемь. Предвкушала, как станет Димке свою исключительную находку демонстрировать. Засела в Интернете, академический дом изучила со всем тщанием и по дороге просвещала Полуянова: что капитальный ремонт здесь был четыре года назад, лифты стоят фирмы «OTIS», а консержке нужно платить по четыреста рублей с квартиры.

Димка слушал вполуха, думал о чем-то своем. Только когда вошли в подъезд, поинтересовался:

– Этаж, надеюсь, не первый?

– Седьмой, твой любимый, – улыбнулась Надя.

Поднялись в зеркальном лифте, вышли на чистенькую площадку. Надя уверенно вдавила кнопку звонка. И – в недоумении отступила.

Потому что дверь им отворила ослепительной красоты мулатка. Господи, откуда только взялась такая в заурядном районе Медведково? Будто со страницы глянцевого журнала спрыгнула: копна кудрявых, медового цвета волос перехвачена желтой лентой, цвет лица изумительный – будто какао в аутентичной венской кофейне, ярко-голубые глаза оторочены в бархат безупречно длинных ресниц. Грациозная, гибкая, изящная шея, безупречной формы руки. Ноги, успела грустно подумать Митрофанова, раза в два длиннее, чем у нее.

Полуянов, разумеется, так и застыл столбом. А экзотическая красавица несколько нервно произнесла:

– Вы пришли квартиру смотреть? Можно мне на ваши документы взглянуть?

– Зачем вам? Мы вроде не на сделку пока, – хмыкнула Надя, но паспорт протянула.

Мулаточка стрельнула взглядом на фамилию с именем и сразу воспрянула:

– Я просто на всякий случай! Здравствуйте, Надежда! Мне тетя Тамарочка про вас говорила. Проходите, пожалуйста! А меня зовут Изабель. Я – хозяйка.

– Э... Очень приятно, Дмитрий, – поспешил вмешаться в разговор журналист, с удовольствием подхватывая изящную ладошку. Кажется, собирался поцеловать, но метнул на Надю виноватый взгляд и удержался, лишь пожал хрупкие пальчики.

И – видно, желание обольщать в крови у всех мужиков! – животик сразу подтянул, плечи расправил. Взор (только что был усталым, почти равнодушным) сделался заинтересованным, обволакивающим.

Надя решительно выступила вперед, оттерев Полуянова плечом, и строго произнесла:

– А почему Изабель? Тамара Кирилловна говорила, хозяйку Елизаветой зовут.

– Как? – искренне удивилась мулаточка.

– Елизаветой. Ну, или Лизочкой, – пожала плечами Митрофанова.

– Так это я и есть! – развеселилась девушка. – В детстве так придумали, чтобы дети не дразнились. А то мало что негритянка, так еще и Изабель. Изабель Николаевна. Смешно звучит, правда?

По-русски она говорила совершенно свободно, да и по виду – пусть рафинированная и холеная, но явно наша.

Но только каким образом, – лихорадочно соображала Надя, – у русских (она сама документы на квартиру смотрела!) родителей дочка вдруг оказывается мулаткой? Неужели внебрачный ребенок – в академической, правильной семье! А что, запросто может быть. Тамара Кирилловна, помнится, упоминала: родители Лизочки жили плохо, постоянно ссорились. Из-за внебрачного ребенка, похоже. Кто, интересно, загулял? Жена или муж?

В обычной жизни тактичная Митрофанова никогда не стала бы задавать неудобных вопросов, но когда речь идет о миллионной сделке, не до воспитанности.

– Вы хотите сказать, что являетесь *родной дочкой* Николая Евгеньевича? – нахмутив брови, уточнила она.

– Как я могу быть родной? – вздохнула красавица. – Я приемная, естественно. Родителей не помню, в детдоме жила. На Кубе. А папа там работал, ну и удочерил меня. В смысле, они с мамой удочерили. Когда мне шесть лет было.

Риелтор, Аскольд Иванович, помнится, рассказывал пару историй: как *родные* дети судятся с усыновленными. И Надя уже приготовилась выяснить у Изабелы, имеются ли у нее сводные братья или сестры. Но Полуянов о серьезном поговорить не дал. Благостно молвил:

– Ну, Изабель, первое впечатление у меня самое благоприятное, – доброжелательным тоном перебил он. – С чего начнем более детальный осмотр?

– Давайте с кухни, – улыбнулась в ответ псевдо-Лизочка. – И заодно чаю выпьем, тетя Тамара шанетки испекла, велела, чтобы я обязательно вас угостила.

– Что испекла? *Шанежки*? – переспросила Надя.

– Какая разница: шанетки, шанежки! Короче, какие-то булочки, – отмахнулась девица и повела их по коридору.

Наде абсолютно не улыбалось распивать чаи в столь неприятной компании, однако отказаться неудобно: на кухне уже и стол оказался сервирован – на три персоны, конфеты в изящных вазочках выставлены, несколько видов чая, на блюде – пресловутые шанежки, заботливо укутанные в пищевую пленку.

– Видите, все готово, только чайник осталось включить, – старательно изображала гостеприимство Изабель.

– Какая вы хозяйственная! – не удержалась от шпильки Надя.

– Что вы, Надя, это все тетя Тамарочка. У меня по дому... как-то не получается ничего. Может, вам что-нибудь посерьезней? Суп, бутерброды? – неуверенно проговорила хозяйка.

– Нет-нет, спасибо, – поспешно отозвалась Надя. И предложила Полуянову: – Не хочешь, пока чайник закипает, квартиру посмотреть?

Но беззаботный Димка только усмехнулся:

– А зачем? Я уже понял. Мне все здесь нравится.

«Только у хозяина – как его там, Николай Евгеньевич, кажется? – запросто могут быть кровные дети, которые с удовольствием оспорят сделку», – пронеслось в голове у Нади, и она решительно обратилась к ослепительной хозяйке:

– Я бы хотела все-таки уточнить, Изабель. Эта квартира принадлежит вам? Единолично?

– Ну да, – пожала плечами девица.

– Других детей – приемных или родных – у вашего отца не имеется?

– Нет. Разве тетя Тамара не показывала вам документы?

Голос вроде уверенный, но в лице хозяйки Наде почудилась какая-то тревога. И она, не сводя с Изабель испытующего взгляда, задала новый вопрос:

– А ваш отец не будет против, если вы его квартиру продадите?

– А чего ему возражать? – дернула точеным плечиком Изабель. – И вообще он сейчас в Африке. Но по поводу квартиры сказал четко: она моя. Могу делать все, что захочу. Тем более я не в казино деньги проигрывать собираюсь, а другое жилье покупать, даже лучше! В самом центре.

– Надюшка, – укорил подругу Полуянов. – Если у Изабель дарственная – оспорить сделку никто никогда не сможет. И она ни перед кем отчитываться не обязана.

Надя совсем пала духом. Грустно осознавать, что выглядишь в сравнении с прекрасной кубинкой совершеннейшим серым мышонком. Да и чутье подсказывало, что нужно немедленно разлучить Полуянова с девицей-совершенством. Вежливо улыбнуться, поблагодарить мулатку за чай – и вывести Полуянова из-под огня развратных голубых глаз. Навсегда.

Но квартира-то – чудо как хороша! И документы в порядке, и стоит разумно!

Да и Аскольд наставлял: «Когда будешь выбирать, на хозяина внимания вообще не обращай. Хоть алкаш будет, хоть шизофреник или старая истеричка. Главное – чтобы жилье по душе пришлось, а с остальным я сам разберусь».

Значит, нужно поступать стратегически. От квартиры не отказываться, но Полуянова от Изабель оградить. А как это сделать? Он с красавицы глаз не сводит, еще и улыбается:

– Изабель, скажите, а где я мог вас видеть?

– Ну... у меня год назад был проект на телевидении. Вела уроки фитнеса на кабельном канале. Но вряд ли вы эту программу смотрели... – кокетливо опустила ресницы девушка.

– А сейчас чем занимаетесь? – не отставал Полуянов.

– Теперь у меня свой салон красоты, – подбоченилась красотка. И, хотя Дима больше вопросов не задавал, уточнила: – С уникальной концепцией. Основа красоты – здоровье, так что первым делом спорт и правильное питание, и только потом прическа с маникюром. С удовольствием, кстати, выдам вам карточку VIP-клиента. Хотите?

– Конечно! – с жаром выпалил Полуянов.

Да что за напасть такая!

– У вас счетчики воды стоят? – перебила их воркование Надя.

– Счетчики? – изумленно вылупила глазищи Изабель. – Не знаю. Наверное. – И снова обернувшись к Полуянову, вкрадчиво произнесла: – У меня, кстати, тоже есть ощущение... что я вас встречала. Где-то в Останкино. Может такое быть?

– Увы, – вздохнул Димка, – на отделение ти-ви-журналистики меня не взяли, так что приходится работать «в поле». Газета «Молодежные вести», слышали про такую?

– Ну конечно! – просияла девица. – Все, я теперь поняла! Я вашу фотографию там видела. Вы – Полуянов. Журналист! Тот самый! Мне теперь будет особенно приятно читать ваши статьи. А по поводу квартиры у вас еще какие-нибудь вопросы будут?

– Нет, – поспешно отозвался Дима. – Все мило, красиво и замечательно. Наверное, мы ее возьмем. Ты как, Надюшка?

– Соглашайтесь, Надя. Здесь хорошо, – повернулась к ней Изабель. – Очень тихо, тепло. Прекрасно спится. До метро – если вы им, конечно, пользуетесь – два шага.

И снова Митрофановой показалось – что-то дрогнуло в голосе прекрасной мулатки, едва уловимая неуверенность, тревога.

К тому же здравый смысл просто вопил: «Не продают такие квартиры просто для того, чтобы ближе к центру переехать! Что-то здесь не так. Ловушка! Подвох!»

Однако Полуянов уже деловито вещал:

– Вот и отлично, Изабель! Просто отлично! Квартиру вашу мы берем. Но я предлагаю на этом не заканчивать. Давайте будем дружить домами!

Тактичный человек постарался бы оставить Димкину фривольность без ответа, а невоспитанная мулатка с Полуянова глаз не сводила:

– Да! Я буду очень рада приехать к вам в гости! И вас принять!

«Нет, милая, – сердито подумала Надя. – Нам бы только сделку провести, а домами мы с тобой дружить уж точно не станем».

Ей опять снился тот же сон. Ночь в Токио – что навсегда расколола ее жизнь на две половинки. На беззаботное «до» – и мрачное «после».

Японцы, увы, не знают полутонов. Они всегда милы, услужливы, заботливы с гостями. Однако совершенно беспощадны к тем, кто посмел посягнуть на их незыблемые устои. К тем, у кого достало наглости обратить разумное, выверенное до миллиметра жизненное устройство в хаос, разрушить гармонию.

Особая страна, особый путь. В путеводителях об этом не пишут, но местные просветили: в Японии до сих пор применяются пытки. Традиционная формула местного права: «Признание является первейшим из всех доказательств». А когда закон преступил чужак, да на глазах свидетелей, – пощады ему можно не ждать.

Если бы они были хотя бы похожи на местных! Или вызывали бы сожаление – ведь даже бессердечные японцы ведут себя более снисходительно к нищим или убогим.

Однако девушки были юны, успешны, красивы. Абсолютно все оказалось против. И никогда теперь не избавиться от кошмара: бешеная скорость, отчаянный крик, удар, звон осколков. Разнесенная в клочья икебана, поверх нее – японская куколка с переломанной шеей. Полицейские сирены. Гневные крики...

Ее жизнь катится под откос.

А та, которая все это устроила, – беспечна, успешна, здорова и богата.

Глава третья

Из академического дома Надя и Полуянов вышли в молчании.

Митрофанова демонстративно избегала Диминого взгляда. А по ее нарочито прямой спине и поджатым губкам журналист понял: разобижена не на шутку. Хотя что он такого сделал? Ну, поддержал светскую беседу, сказал красотке-шоколадке пару комплиментов. Любой бы мужик на его месте точно так же себя повел. А Надька, похоже, себе напридумывала, будто они с Изабель чуть не жениться собрались. Дима, может, от подобной перспективы и не отказался бы, но только аппетитная штучка явно приучена к мужикам с куда большей мошной. К таким, кто может ей салон красоты купить. Но управляет-то Изабель своим салоном сама. Как, интересно, справляется? На бизнес-леди она совсем не похожа.

Хотя кто знает, как оно на самом деле. Вон, Митрофанова раньше тоже маскировалась. Притворялась глупышкой, влюбленно хлопала глазищами, восклицала: «Какой ты умный, Димочка!» А сейчас, когда много лет совместное хозяйство ведут, да еще жилье решили общее покупать, стала истинное лицо являть. Все требует от него чего-то, а восхищается – только в постели, да и то не каждый раз. Спасибо, хоть уют блюдет и кормежка по-прежнему на уровне.

Умом, конечно, Дима понимал, что Надя – отличная ему пара. Когда он одряхлеет, можно не сомневаться: стакан воды всегда поднесет. Но только насколько ярче, свежей и интереснее было бы просыпаться по утрам с очаровательной мулаточкой...

– Дима, а тебе не показалось, что Изабель что-то беспокоит? – выдернула его из сладких мечтаний Митрофанова.

– А?

– Ну, глаза у нее встревоженные, и вид – знаешь, как у ребенка, когда он знает какой-то секрет и аж разрывает его, так хочется выболтать.

– Да я как-то ей в глаза не смотрел, – признался Полуянов.

– Действительно, зачем смотреть девушке в лицо, коли у нее ноги от ушей и бюст четвертого размера? – съехидничала Надя.

– Брось, Надька! – Полуянов притворился, что сердится. – Не интересуют меня ее ноги. А лучше твоего бюста нет ничего в мире, ты прекрасно об этом знаешь.

Митрофанова – довольная! – зарделась, но причитать не перестала:

– Все-таки нехорошо у меня на душе... Чувствую, какой-то подвох с этой квартирой!

– По-моему, все идеально.

– Нет. Слишком все хорошо.

– Ну, Надька, – покачал головой Полуянов, – на тебя не угодишь!

– Надо бы эту Изабель досконально проверить, по каким-нибудь базам пробить, – задумчиво сказала Надя и, искоса взглянув на Полуянова, добавила: – Но просить тебя я не буду. Боюсь, чтобы твоя проверка в чужом будуаре не закончилась.

– Не волнуйся. Она не в моем вкусе, – фыркнул Дима.

Обнял подругу и крепко поцеловал.

Полуянов, грешным делом, красотку Изабель вспоминал, особенно по ночам. Но на работе ему было не до мечтаний. Планерка, письма, звонки. Большая статья идет в завтрашний номер, а «главнюга» очередной заголовок забраковал, надо срочно придумывать что-то «*более в русле, поспокойнее*»... То есть – беззубое. Дима заперся в кабинете, заварил себе кофе, но инициировать мыслительный процесс не успел – зазвонил внутренний телефон.

– Полуянов, – послышался сердитый голос секретарши главного Марины Максовны, – тебя дама требует. Сколько можно?..

– А что делать, когда поклонницы прохода не дают! – снахальничал журналист.

– Мадам сказала, она не поклонница. Якобы ты у нее квартиру покупаешь.

– О, Изабель? – встрепенулся Дима. – Да, конечно! Соединяйте!

– Слушаюсь, – усмехнулась умудренная годами секретарша. – Только передай своей подружке, чтобы в приемную главного редактора больше не звонила.

А Полуянов, откашлявшись, приготовился подбавить в голос тепла и бархата. Настроился впечатлять, очаровывать, веселить. Однако все усилия пропали втуне. Прекрасная мулатка заполошно затараторила:

– Дима, как хорошо, что я вас нашла! Я еще вчера хотела визитку попросить, да при Наде постеснялась. У меня к вам дело. Очень срочное, важное. Я, мне... мне не к кому больше обратиться! Просто глас божий, что вы журналистом оказались, к тому же моим любимым. Вы можете прямо сейчас со мной встретиться? Я тут рядом, почти на улице Правды!

Приятно, конечно, слышать нежный, умоляющий голосок. Однако мудрая Надька вчера вечером, словно бы между делом, сказала:

– Ох, не завидую я окружению Изабель!

– Это почему еще? – удивился Полуянов.

– Типичная иждивенческая порода. Такие только и ищут, к кому бы прилепиться и соки высасывать. Чтобы на нее спину гнули, а она на шее сидела, ножками болтала.

Кто знает, права ли ревнивая Митрофанова, но решать проблемы Изабель Полуянов не слишком хотел. Своих хватало. Поэтому достаточно сухо произнес:

– Вы хотите что-то по поводу квартиры со мной обсудить?

– Квартиры? Какой квартиры? – опешила красавица. – Тут со мной такой ужас происходит! Просто кошмар! Реальный! – Она всхлипнула и жалобно добавила: – Я вас очень прошу. Пожалуйста, помогите мне. Или просто хотя бы скажите, что я дура, что мне все чудится!

Полуянов покосился на монитор, где немым укором висела «безголовая» статья. Заголовков пришел в голову сам собой. Журналист быстро напечатал вверху страницы: «ПОМОГИТЕ!» НА ТИХОЙ УЛИЦЕ».

А что? Вроде неплохо.

– За вами «хвоста» нет? – строго проговорил он в трубку.

– Что? – растерялась Изабель.

– Шутка. Через полчаса в кафе напротив редакции. Подойдет?

– Ох, Дима! Спасибо, спасибо вам огромное! – обрадовалась она.

Настолько искренне, что прямо горы для нее захотелось свернуть. Никакого сравнения с Митрофановой, которая если и благодарит, то снисходительно, будто он дрессированная собачка.

Как бы только намекнуть Изабель, чтобы при Надьке, когда они все вместе на сделке встретятся, лишнего не болтала?..

... Впрочем, мулатка, едва подбежала к его столу, сама завела речь о том же:

– Дима, вы только подружке вашей не признавайтесь, что мы с вами виделись, а то она на меня сердиться будет! Я, честно, соблазнять вас не собираюсь, я исключительно по делу!

– Жаль, – усмехнулся журналист.

– Вы все шутите, – неуверенно улыбнулась в ответ девушка. Сделала глубокий вдох и растерянно пробормотала: – Даже не знаю, с чего начать. Давайте, наверное, сразу покажу... – Она открыла сумочку, но тут же ее захлопнула, досадливо помотав головой: – Нет, так вы ничего не поймете. Закажите мне, пожалуйста, кофе. Двойной эспрессо и обязательно холодную воду. Голова кругом идет. В общем, чтобы вы сразу знали. Я – дурочка.

– Кто вам сказал такую глупость? – ухмыльнулся Полуянов.

– Ой, да ладно. Я еще в школе поняла, что, когда Бог мозги раздавал, мне дать пожадничал. Но я умняшку из себя никогда и не строила. И прекрасно понимаю, что в нашем бизнесе я так, типа визитной карточки. А Юлька – и мозг, и руки, и все остальное.

– Бр-р... – помотал головой журналист. – Давайте еще раз. Кто такая Юлька?

– Ну, Базанова! Коммерческий директор в моем салоне. Мы с ней, когда дело затевали, сразу договорились: я даю деньги и, когда переговоры с мужиками, пыль в глаза пускаю, а она делает все остальное. Я в дела никогда и не лезла. Оно мне надо? Но только здесь идея – стопроцентно выигрышная. Баба Лера – она ведь абсолютный уникам, столько всего знает и в нашу концепцию вписывается идеально.

Официант принес кофе. Изабель отхлебнула, пробормотала:

– Слишком горький. Ладно, сойдет, не берите в голову. Короче, бабе Лере – восемьдесят семь лет, и она без проблем садится на поперечный шпагат. Что вы улыбаетесь? Это реально совсем непросто, даже в шестнадцать! Я ее знаю очень давно, поэтому, когда мы салон только открыли, сразу ей позвонила. Но баба Лера вечно отвечала, что занята. Она до сих пор и гимнасток художественных консультирует, и физкультуру в университете преподает. Но я тоже упорная! Дожала ее. Баба Лера согласилась, что будет у нас в салонах стрейчинг вести. Представляете, как здорово? А то клиентки вечно стонут, когда им инструктора хоть минимальную нагрузку пытаются дать. Мол, легко вам, молодым, задания давать, а мы – старенькие, мы не можем! А тут – инструктор бабушка, восемьдесят семь лет, прекрасно выглядит, изумительно гнется! Я уверена, что на ее занятиях был бы полный аншлаг. Но Юлька... – Изабель осеклась. Отколола от сахарного кубика крошечный кусочек, бросила его в чашку с кофе, принялась яростно размешивать. Потом сердито пробормотала: – Юлька, короче, мою идею не оценила. Хотя я с бабой Лерой уже и зарплату обсудила. Представляете, как неудобно? Я с Юлькой и так и смя, а она уперлась, как ослица: инструктор должен быть обязательно молодым, и точка! Вы, Дима, сами как считаете?

– Я бы лучше занимался с молодой. С вами, например, – честно признался журналист. – Из эстетических хотя бы соображений.

– Ничего вы не понимаете! – Изабель сердито шлепнула кулачком по столу. – Я и Юльке сказала, что она просто дура! Ой, извините. Я вас в виду не имела. Хотя вы абсолютно не правы. Баба Лера очень нужна нашему салону. Вот я и сказала Юльке, что тоже являюсь совладельцем и имею право на собственное мнение. Баба Лера будет вести у нас стрейчинг, и точка.

– Но чем, прекрасные дамы, в вашем споре могу быть полезен я? – удивленно произнес Полуянов.

– Ха, прекрасные! Видели бы вы эту Юльку, она страшнее войны! – хихикнула Изабель. Но тут же помрачнела: – Но только без нее я как без рук. А мы расплевались конкретно. Юлька сказала: или баба Лера, или она вообще уходит. Но как я ее могу отпустить? Сама точно не справлюсь, а деньги уже вложены! В общем, взяла тайм-аут. И бабе Лере пока не звонила. А вчера утром, – девушка судорожно сглотнула, – я у себя в почтовом ящике вот это нашла. – Она дрожащими руками полезла в сумочку и протянула Диме небрежно распечатанный конверт. В графе «адресат», машинально отметил он, только имя, отпечатано на принтере: *Изабель*. А внутри – фотография. Похоже, изображена на ней была та самая баба Лера. Стройная, неплохо сохранившаяся. Но по всем статьям – старуха. Морщинистые руки, пигментные пятна на опрометчиво обнаженной шее. Позирует, сидя в кресле. Одна нога закинута на другую, глаза полуприкрыты.

– И что? – Полуянов перевел взгляд на Изабель.

– Вы ничего не замечаете?

Дима снова посмотрел на фотографию и принялся рассуждать вслух:

– Ну... поза немного неестественная. Лицо слишком бледное. Человек пожилой, обычное дело.

– Да она мертвая! – заорала Изабель на все кафе.

– Что?!

– Неужели не понятно? Да баба Лера в жизни не облокотится на спинку, всегда пряменькая, стройная, просто загляденье! Сгусток энергии, собрана, как пружинка, яркая, подвижная, глаза горят. Я, короче, тут же помчалась к ней. А квартира опечатана. Я к соседям. Те мне и рассказали, что к бабе Лере дочка приехала неделю назад, вечером. Звонит – мать не отвечает. Открыла тогда дверь своим ключом и обнаружила ее. Мертвую. – Изабель всхлипнула.

Полуянов уже внимательнее взглянул на снимок. Волосы старой женщины в идеальном порядке, нога закинута на ногу, рука упирается о подлокотник – все как-то очень постановочно. Вряд ли можно умереть в столь вычурной позе.

– А отчего она умерла? – нетерпеливо спросил он.

– Да не в том дело! – раздраженно ответила Изабель. – От инфаркта, что ли, или от инсульта, какая разница в ее возрасте? Вы что, не поняли еще? Умерла баба Лера в своей постели, во сне! Дальше – все как положено. Вызвали похоронного агента, ее увезли в морг. Сделали вскрытие. И похоронили – два дня назад. Я ничего и не знала, мне не сообщили. Я ведь бабе Лере никто, не родственница, не друг, даже поработать вместе не успели. А сегодня вот я эту фотографию получила. Теперь схожу с ума, голову ломаю, могла это Юлька сделать? Ну, чтобы просто поиздеваться надо мной?

– Изабель, вы серьезно? Зачем ей над вами издеваться, да еще таким образом?!

– Не знаю, зачем! Но кому еще нужен был весь этот ужас? Дима, если вы мне не поможет, я просто не знаю, что делать! Вы ведь такой известный журналист! Узнайте, кто это натворил! У кого только рука поднялась!

Полуянов молча вернул фотографию в конверт. Ему не слишком хотелось ввязываться в эту историю. Искать психов и писать о них – дело неблагодарное. Если Надька узнает о новой теме, обязательно взовьется.

Но разве мог он просто отвернуться от умоляющих глаз красавицы по имени Изабель?

«Ладно, – опрометчиво решил Дима. – Я потихоньку. Надюха ни о чем и не узнает».

Едва Полуянов вернулся в редакцию, позвонила Надюшка. Голосок озабоченный:

– Дима, мы с Аскольдом Ивановичем все утро квартирой занимаемся, и нас кое-что смущает... Ой, подожди секундочку, читателя приструню!

Трубка стукнула о стол. Полуянов услышал, как подруга кому-то строго выговаривает: «Это же раритет, книга издана в девятнадцатом веке! А вы в ней уголки загибаете!» Затем в трубке снова зажурчал ее голос:

– Прости, пожалуйста. С мысли сбил, вандал... О чем я говорила?

– В этой квартире тебя что-то смущает, – подсказал Дима.

– Ну, мы с Аскольдом никак понять не можем: зачем Изабель нужен этот обмен? Тут – академический, чистенький, благородный дом. А переезжает она в бывшую коммуналку, запущенную, коммуникации древние, Садовое кольцо рядом. В чем смысл?

– Как – в чем? Москва, центр. Совсем другая жизнь, – усмехнулся Полуянов. И процитировал: – «Переулочек, переул... горло петелькой затянул».

Надюха-умница сразу подхватила:

– «Тянет свежесть с Москва-реки, в окнах теплятся огоньки». Потом упрямо повторила: – Только одно дело – в Третьем Зачатьевском переулке жить, как Анна Ахматова, и совсем другое – когда возле Садового. Такое ощущение, что Изабель первую попавшуюся квартиру схватила, лишь бы из своей нынешней сбежать.

– Да ладно. Ей, видно, просто нравится ритм большого города.

– В общем, тебя ничего не настораживает, – подвела итог Надя. – Ладно, я поняла. Все, пока, а то у меня народ, – и положила трубку.

Полуянов посмотрел на умолкнувший телефон. Перевел взгляд на фотографию, откуда смотрела пустыми глазами мертвая старуха.

Что это? Неудачная шутка? Месть какой-нибудь заревовавшей подруги? Или дело серьезней? И связано ли странное письмо с тем, что хозяйка вдруг срывается с насиженного места, решает срочно продать родовое гнездо?

Он порылся в ящике стола и выудил оттуда старую дедовскую еще лупу. Запер кабинет на ключ, врубил все лампы и стал внимательнейшим образом изучать фотографию мертвой тренерши. Да, омерзительна и зловеща. Но – следовало признать! – имелось в ней определенное мрачное очарование. Фотограф – кем бы он ни был! – похоже, знал, как выставить свет и выбрать удачный ракурс. Почившая старуха – если не приглядываться к полуприкрытым пустым глазам – выглядела словно пушкинская графиня, присевшая отдохнуть после шумного бала.

Но тело – явно уже окоченевшее! – совсем непросто разместить в кресле, да еще в почти изящной позе. Получается, автор не впервые снимает подобную мерзость? Успел наработать опыт? Может быть, существует какое-нибудь сообщество фотографов-извращенцев?

Однако, если оно и имелось, в Интернете себя не афишировало. Всемирная паутина утверждала: зловещий обычай запечатлеть мертвых в образе живых канул в Лету в девятнадцатом веке.

Получается, особенно упорные поклонники жанра здравствуют и поныне? Но как подобную фотосессию провести технически?

Снимали, скорее всего, в морге. Милое хобби какого-нибудь сумасшедшего санитаря? Ох, вряд ли! Работенка-то золотая, а за подобные забавы мигом вылетишь с волчьим билетом. Впрочем, кто-то (сторож? санитар? патологоанатом?) служебные инструкции все же нарушил и фотографа к телу допустил.

Узнавать адрес морга? Ехать в юдоль скорби? Ворошить осиное гнездо, предъявлять фотографию? Скандал разразится ужасный – это однозначно. А удастся ли вычислить злодея? Совсем не факт.

Да и не очень порядочно поднимать шум. У покойной старухи имеется дочь. Если она увидит фотографию, нервный срыв несчастной женщине гарантирован.

Потому Полуянов решил зайти пока что с другой стороны. Разобраться – хотя бы в первом приближении! – в биографии красавицы Изабель. Непроста же той присылают подобные милые фоточки!

Собирать по крохам сплетни и слухи в Интернете Дима не стал. Зачем – если за стенкой его кабинета сидят девчонки из светской хроники? Он не сомневался, ведущая телепрограммы (пусть и на кабельном канале) должна была *засветиться*, хотя бы минимально.

Ему повезло, у хроникерш (близняшек Оли и Поли) сегодня не оказалось ни премьер, ни тусовок, ни самолета на Бали.

– Раз пришел, иди за пирожными, – хищно улыбнулась Оля.

– А чай неси свой, в буфете помои, – добавила Поля.

Пришлось расставаться с заначкой – настоящим индийским дарджилингом.

– Угодил, – похвалила Поля.

– Проси теперь что угодно! – улыбнулась ее сестра.

Однако, когда Дима произнес пароль: «Истомина», ему ответили растерянные взгляды: «Кто-кто?»

– Она уроки фитнеса вела. На каком-то кабельном канале. А сейчас у нее салон красоты. Молодая такая. Э-э... мулатка.

Сестры переглянулись.

– Прямо мулатка-мулатка? – недоверчиво уточнила Оля.

– Ну... да. Смугленькая такая.

– А-а! – вдруг просияла Поля. – Это он про Изабеллу, наверное!

– Точно! – расхохоталась Оля. – Только какая она мулатка? Какао с молоком, и то сильно разбавленное. У нее отец – испанец, а мать – кубинка, почти белая.

– А почему она тогда Истомина? – Полуянов решил услышать историю с самого начала.

– Ну, там настоящая «Санта-Барбара», – весело произнесла Поля. – Даже ток-шоу про нее было, неужели не видел?

– Разве Полуянов похож на человека, который смотрит ток-шоу? – защитила коллегу Оля. – Расскажи ему!

– Ну, вкратце: дело было на Кубе, лет двадцать с гаком назад. Семья беднейшая, родители умерли, детка осталась сироткой. Попала в приют, сбежала. Попрошайничала. На Кубе у них хоть и социализм, а бродяжек немало. Особенно не на Варадеро каком-нибудь туристическом, а в Гаване. Девчонка постоянно крутилась на городском пляже. И туда же каждый вечер ходил купаться белый джентльмен Истомин. Он наш, инженер. На Кубе работал, отель строил. Свободно говорил по-испански. Сиротку жалел, подкармливал. Своих детей у него не было, ну и уговорил жену девчонку усыновить. Оба государства чинить препоны не стали, разрешили, когда у Истомина истек контракт, забрать приемную дочку в Россию. Романтическая такая история, – закатила глаза Поля.

– Сколько ж ей было лет?

– Шесть или семь.

А Оля, словно бы между делом, добавила:

– Неужели ты даже не слышал про это ток-шоу? Довольно скандальное получилось. На него детского психиатра пригласили. И он все пытался рассказывать, как приемные отцы своих малолетних дочек соблазняют. Изабелла очень нервничала. Тут явно что-то нечисто.

– Да брось! Не соблазнял ее отец, гарантирую. Просто камеры она боялась, потому и психовала! – отмахнулась Поля. – Истомин – приличнейший человек, сын академика. Интеллигентная семья.

– Только продажная. За пиар все свое грязное белье наизнанку вывернули! – подхватила Оля. – Впрочем, так, наверное, и надо. Красавицу кубинку после того ток-шоу действительно заметили, пригласили на кабельный канал – фитнес-позы демонстрировать. Она в детстве то ли гимнастикой занималась, то ли фигурным катанием.

– Фигурка у нее суперская, – вздохнула Поля. – И растяжка чудовая, ногу за ухо закладывает, как нечего делать.

– Но чтобы программы свои вести – даже если это всего лишь фитнес! – одной растяжки мало, – с сарказмом заметила Оля. – «Разминка с Изабеллой» в эфире и полугода не продержалась. Новых предложений тоже не поступало. Но тут нашей принцессе опять повезло – она встретила прекрасного принца. Персонаж не медийный, но мордаха, фигура – просто нечто. Я их как-то на приеме видела – реально отпала. Бывают же такие мужики! Галантный, накачанный, глаза синие, а на нее как смотрел – будто она ему единственный свет в окошке. Да еще и богатый, зараза. На острова тропические ее возил, бриллианты дарил...

– И чем закончилась сия прекрасная сказка? – поторопил Полуянов.

– Ну уж точно не свадьбой, – злорадно хмыкнула Поля. – Исчез куда-то красавец писанный. Но, похоже, хороших отступных отвалил. Смотри сам. Вместе они перестали появляться в конце лета. А осенью Изабелка салон красоты открыла. Свой собственный.

– Все, Димка. – Оля устало вгрызлась в пирожное. – Больше ничего не знаем.

Полуянов поблагодарил сестер и отправился восвояси.

По пути в свой кабинет зашел в туалет, осмотрел себя в зеркале: очень даже приличная шевелюра. Если пригладить челку водой, так и вовсе практически Бельмондо.

Стричься он не любил. И сейчас бы в парикмахерскую не пошел ни за какие коврижки. Как минимум, еще две недели (а то и месяц, если Надюшка раньше не погонит). Но – ради дела! – придется.

Позвонил в салон красоты, принадлежавший двум дамам – Изабель Истоминой и Юлии Базановой. О том, что прекрасная мулатка обещала ему карточку VIP-клиента, говорить не стал. Просто задушевым тоном сказал, что хочет попасть к лучшему мастеру. Сегодня.

– Но у нас на сегодня запись уже закончилась, – растерянно пробормотала администратор.

– Девушка, милая! – подбавил в голос бархата Дима. – Пожалуйста, придумайте что-нибудь! Ответственное мероприятие грядет, очень нужно!

– Почему вы, мужчины, всегда в последний момент спохватываетесь! – укоризненно прошептала администраторша. Однако пообещала: – Сейчас попробую что-нибудь организовать. Подождите минутку.

В трубке долго играла медитативная музыка (Полуянов едва не заснул). Когда девушка наконец снова вышла на связь, голос ее звучал победоносно:

– Вас сам Теодор согласился взять! В семь вечера у него малюсенькое окошечко... только, пожалуйста, не опаздывайте. Теодор у нас лауреат международного конкурса и привык, что его время ценят.

Дима никогда еще не стригся у лауреатов. Сколько ни пыталась Надюшка его сподвигнуть хотя бы на салон красоты, продолжал упорно посещать простецкую районную парикмахерскую. Пусть там без изысков, зато мастера ножницами щелкают со скоростью феерической: пятнадцать минут, и готово дело. А лауреат международного конкурса Теодор наверняка будет ковыряться над его шевелюрой часа полтора.

Ну да что не сделаешь ради работы. О фотографиях, на которых люди *мертвые, будто живые*, «Молодежные вести» еще не писали. А что тему ему подкинула именно красавица Изабель, можно вообще не упоминать. Чтоб Надька не взревновала.

И кстати – раз уж задумался он о дамах, – может, сегодня вечером Надюшку задобрить? Пригласить в ресторан? Как раз и повод есть: обмыть его новую стрижку. А то подружка вчера выглядела – после визита в академическую квартиру – совсем потерянной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.